А. Г. Гусев, доцент кафедры общей и педагогической акмеологии Областного автономного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов «Новгородский институт развития образования»

ГЕНЕЗИС ЦЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ (историко-культурологический анализ)

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «образование» весьма содержательно и многогранно. Его определения дополняют друг друга, а иногда вступают в противоречие.

Трактовка этого понятия во многом зависит от доминирующей образовательной модели, которая принята на определенном историческом этапе существования какого-либо общества в качестве нормативной (социально одобряемой, культурно значимой).

Образовательные модели имеют пространственную и временную локализацию. Доминирующая модель образования предопределяется господствующей в обществе культурной парадигмой. На основании анализа исследований в области культурологии и социологии естественно выделить три таких парадигмы: *премодерн, модерн, постмодерн* [1; 3].

Рассмотрим, как изменялись модели образования с акцентом на содержание целей на протяжении исторического периода от принятия на Руси христианства и до наших дней. Введем два рабочих определения, адекватных настоящей работе:

1) образование — это «формирование образа мыслей, действий человека в обществе; создание человека в соответствии с его качеством, мерой, сущностью, раскрываемой в каждый конкретный исторический отрезок до определенного уровня» [8];
2) цель образования — это «образовательный идеал, задаваемый социальным заказом и реализуемый через различные подходы» [4, с. 163].

Под образовательной моделью нами понимается «*образовательная система*, включающая в себя общие цели и содержание образования, проектирование учебных планов и программ, частные цели руководства деятельностью обучаемых, модели группирования учеников, методы контроля и отчетность, способы оценки процесса обучения».

***Педагогический словарь* [*4, с. 94*].**

1. ПАРАДИГМА ПРЕМОДЕРНА

Как верно замечает В. Б. Миронов, «образование прорастало через распятую плоть Христа» [5]. До петровских реформ оно было, по сути, христоцентричным, поскольку в обществе господствовали религиозные ценности. Именно эти ценности формировали нормативную заданность образа человека и, соответственно, предопределяли цели образования. Важнейшим инструментом регуляции системы образования служила христианская традиция. Церковный календарь (месяцеслов, или святцы) составлял скелет культуры, что отражалось и в сфере образования. Так, например, в особо чтимые церковные праздники учеба отменялась. К празднику же приурочивалось знакомство с житием того святого, в честь которого этот праздник учреждён. Таким образом, образование после принятия христианства тесно связано с церковью как социальным институтом. Первые школы (училища) организуются при церквях и монастырях [2; 5].

Основной целью образования является придание человеку (восстановление, очищение) в нем образа Божия, который был поврежден в результате первородного греха [9]. Таким образом, цель образования в период времени, соответствующий премодерну, совпадает с целью всей жизни человека. Главной целью земной жизни для истинного христианина является «обожение» (теозис) [7], или, как выразился св. Серафим Саровский, «стяжание даров Духа Святого», что предполагает приобретение хотя бы минимума богословских знаний. Это не противоречит идеям Я. А. Коменского, который прямо утвержда-

ет, что цель образования — это предуготовление к жизни вечной. При таком подходе образование онтологизируется, так как результаты усматриваются не только в земной жизни, но и в эсхатологической перспективе, и, соответственно, цель его преисполнена сотериологическим смыслом.

Поскольку цель образования выходит (трансцендирует) за пределы земной жизни, то ценность профессионального образования, обусловливающего успешность в земной жизни, умаляется. Так, например, св. Василий Великий считал, что хорошо, если человек освоит какое-то ремесло, но в то же время нет ничего страшного, если он ничему не научится, но пребудет истинным христианином [7].

Отношение к секуляризованным (обмирщенным), то есть оторванным от учения Христова («неблагим»), знаниям имеет, по меньшей мере, скептический характер. «Знание надмевает…», — читаем мы у св. Апостола Павла в его «Первом послании к Коринфянам» (глава 8). Образование включено в христианскую традицию и пронизано ее духом. Грамоте учат по Псалтыри. Многое заучивается наизусть. Агиографическая литература, включающая в себя жития святых, реализует задачи духовно-нравственного воспитания. Процесс обучения имеет черты, сходные со священнодействием: занятия предваряются и заканчиваются молитвой (просительной, благодарственной).

Важнейшей чертой образования в премодерне является нормированность чуда, которое может проявляться как помощь Божия в учении. Образование сакрализуется — освящается Церковью. В этом отношении показательны жития св. Сергия Радонежского, св. Иоанна Кронштадтского, которые получают способность к учению сверхъестественным (пачеестественным) образом. Среди икон (одигитрий), изображающих Богоматерь с младенцем Иисусом, имеются иконы, именуемые «Прибавление ума» и «Воспитание».

Итак, теологическая компонента в моделях образования, соответствующих премодерну, доминирует. Правда, в апологетических целях служители Церкви Христовой изучают древние языки, приобретают исторические, философские, естественнонаучные знания [7].

Образом транслируемой в рамках премодерна эпистемы является «Троица» Рублева, в символике которой задана иерархия ценностных смыслов христоцентричного образования. В центре ее изображен приносимый в жертву агнец, то есть Христос. Его окружают антропоморфные существа — ангелы, далее на периферии мы видим творения Божии (объекты природы), а за ними изображены здания — творения рук человека.

2. ПАРАДИГМА МОДЕРНА

Процесс перехода к модерну и соответствующим моделям образования происходит с XV по XVII век в Европе, то есть он имеет не только историческую, но и географическую локализацию. Корни модерна уходят в эпоху Возрождения, которая в культурологическом плане несомненно содержит в себе момент реакции на Средневековье. В Европе возникает новая концепция общества, направленная на преодоление ценностно-целевых установок премодерна. Этому во многом способствует распространение протестантизма с его установкой на жизненный успех, в частности «финансовое процветание». А уже «в XVIII веке, — пишет А. И. Осипов, — французскими просветителями была остро поставлена проблема соотношения между религиозной верой и знанием. Активно выступив против христианства, они безоговорочно отдали первенство человеческому разуму. Их влияние на общественное мнение оказалось столь сильным, что религия, точнее христианство, начинает рассматриваться как основное препятствие на пути к благоденствию человечества» [7, с. 23]. Возникает «Мифологическая школа», отрицающая существование Иисуса Христа.

Образование выходит из теологического фарватера, так как государство дает заказ на светские модели образования. Появляются соответствующие образовательные институты. Теологические факультеты в европейских университетах сохраняются, однако становятся востребованными юристы, врачи, естествоиспытатели и др. специалисты. В образовании активизируются процессы десакрализации, секуляризации, дифференциации — древо целей становится все более ветвистым, а содержание их более приземленным. Образование иногда довольно жестко отнимается от церковных институтов и утрачивает традиционное духовно-нравственное измерение.

В России этот процесс особенно активизируется в период царствования Петра Первого, который «в Европу прорубил окно». Если в премодерне Христос выступает мерой человека (человечности), а важнейшей задачей выступает «доопределение человека в Боге» [1], то в эпоху модерна сам человек рассматривается как мера всех вещей, а вера в Бога — почти как личное дело каждого. Таким образом, с ослаблением теологического компонента образование все больше приобретает антропоцентристский характер.

Крепкий профессионал в определенной области становится ценнее праведника — блюстителя церковных установлений и святоотеческих традиций. Это, соответственно, отражается в целях образования. Симптоматично, что именно во время царствования Петра Первого в соответствии с указами самодержца изменяется отношение к Христа ради юродивым, праведникам не от мира. Происходят изменения в структурах церкви как социального института. Государство в лице государя говорит: «Нам нужен новый нормативный образ человека — и мы будем формировать и воспроизводить его

посредством соответствующих моделей образования». Одной из главных целей выступает формирование профессионалов — специалистов в тех областях, которые востребованы задачей укрепления государства.

Образование из фундаментального института премодерна превращается в фундаментальный институт модерна. Его идеология задает нормативную личность (абсолют-типус), которая больше надеется на себя, чем на чудо. Возникает нужда в человеке, который способен пойти на компромисс с установкой на спасение души ради земных целей. Таким образом, цель образования частично утрачивает эсхатологическую перспективу и сотериологический смысл.

Модерн, движимый воспринятыми в России при Екатерине Второй идеями просвещения (энциклопедизма, гуманизма, рационализма), ставит задачу сформировать гуманиста, творца с широким кругозором. Ценность светских знаний возрастает по мере освобождения образования от института церкви и хранимых ею традиций. Происходит огосударствление образовательных институтов — монополизация государством образовательной сферы. Государство берет на себя право выбирать объект познания и субъект.

Модель Декарта становится господствующей в науке и образовании [2]. Мыслящий субъект в картезианской модели занимает центральное место. Можно сказать, что эта эпистемологияческая модель занимает место «Троицы» Рублева и становится базовой для модерна.

Таким образом, в эпоху, соответствующую парадигме модерна, возникает по отношению к премодерну новое нормативное представление о заданном человеке. Оно во многом скопировано с картезианской модели: субъект автономен и живет в материальном мире, где главным элементом является протяженность. При этом объект наблюдения (исследования) не зависит от наблюдателя. Вот почему важнейшим методом познания становится эксперимент.

И еще одно отличие: если в премодерне чудеса нормированы, то парадигма модерна в своем антропоцентризме и рационализме имеет тенденцию отмежеваться от чуда и всякой мистики. То, что считалось чудом в премодерне, в модерне может осмысливаться как научная проблема, требующая исследования. Именно поэтому в образовании теряют ценность ритуалы религиозного характера, осуждается обрядоверие, а суровый аскетизм рассматривается как отклонение от нормы.

3. ПАРАДИГМА ПОСТМОДЕРНА

Переход к ней происходит с конца XIX по XX век, прежде всего, в самой авангардной части психологии, философии. Расшатыванию эпистемы модерна, в основе которого лежит, как мы уже говорили, картезианская модель, способствовали также великие открытия в области естествознания: было доказано, что объект при определенных условиях зависит от наблюдающего его субъекта, а категория протяженности может изменять свое привычное качество. Получило научное обоснование то, что свет одновременно имеет волновую и корпускулярную природу. В связи с этим вопрос о единстве истины, по меньшей мере, утрачивает свою актуальность. «Истин столько же, сколько опавших листьев, — говорит Вивекананда уставшим от поиска истины европейцам слова, приписываемые Будде, — и европейская мысль принимает этот тезис. Это ярко проявляется уже в творчестве Ф. Ницше» [6].

Окончательный приговор относительно гуманистической несостоятельности модерна показала невиданная по своей жестокости Вторая мировая война: применение современной техники в целях убийства, гетто, концлагеря, жуткие эксперименты на людях, газовые камеры — все это не могло не подорвать принципиальные ценности модерна. Разве это гуманизм, когда под аплодисменты истребляются миллионы людей? Неужели это и есть плоды просвещения?! Разве братские могилы солдат отражают ценность братства всех людей, независимо от их национальности и конфессиональной принадлежности? Может быть, гетто воплощает собой ценность свободы и равенства?! Можно ли сказать, что человечество культурно развивается, если идет гонка вооружения и изобретение нового газа требует изобретения нового противогаза и так далее, устремляясь в дурную бесконечность. Зададимся вопросом: когда мы были просвещеннее: когда воспевали Сталина или сейчас, когда отношение к нему у большинства россиян изменилось?

Развитие культуры (не цивилизации, которая является только материальной оболочкой культуры), положительная эволюция человека и человеческих обществ в парадигме постмодерна ставится под вопрос или отрицается. Последнее прочитывается еще у О. Шпенглера в «Закате Европы» [8]. Действительно, кто гуманнее: людоед премодерна в традиционном обществе или какой-нибудь инженер Гарин, который изобретает страшное по своей поражающей силе оружие и проводит с ним чудовищные эксперименты? Чем по критериям гуманизма отличаются концлагеря с дымящими трубами крематориев от мест массовых человеческих жертвоприношений?

Честные ответы на эти вопросы говорят нам о том, что парадигма модерна в плане ряда поставленных в ее рамках образовательных задач не преодолела премодерн. Модерн действует с гораздо большей жестокостью, чем институт инквизиции.

Постмодедрн формируется как осмысление недостаточности, несостоятельности модерна, который действует через жесткое насаждение своей эпис-

темы. Эпистема постмодерна многоосновна. Она децентрирована и эксцентрична. Логос в ней, как справедливо замечает А. Г. Дугин, как бы распылен по головам людей. Она бедна своим собственным аксиологическим содержанием. Отсюда склонность к цитированию, обыгрыванию, пародированию того, что было в предыдущих парадигмах. Так возникает археомодерн со своими глянцево-игровыми инициациями и верой в чудеса экстрасенсов, гороскопы, а главное — в золотого тельца, что именуется новоязычеством.

Теперь нам говорят, что и Бог все-таки есть — и мы с этим также легко соглашаемся, как раньше легко отрекались от истин веры Христовой. В образовании археомодерн проявляется в педагогических ретроинновациях. Так, например, возникают православные гимназии, оснащенные современной техникой. При этом справа от этой гимназии может находиться здание, где учат медитировать, читая мантры, и поклоняться гуру, а слева — здание, где делают аборты. «Все смешалось в доме Облонских!» Эпистема из ясной, четкой — религиозной или атеистической — меняется на множественную (многовекторную). Запускается принцип: сколько индивидов, столько и миров со своими истинами и ценностными смыслами. В образовании это проявляется в вариативности; в том, что субъекты образования имеют право выбора целей и образовательной траектории движения к ней.

В 90-е годы образование становится вещью неунифицированной, происходит обвал нормативного образа, который имел место в эпоху модерна и премодерна. Соответственно, отдается предпочтение личностно или индивидуально ориентированным концепциям образования. Входят в моду слова «самоактуализация», «самореализация», «самоутверждение», «саморазвитие»… Если каждый человек представляет собой автономную реальность (особый мир), то никакого объективного мира со строгими законами быть не может. Целью образования является помочь ученику самореализоваться, причем этический компонент часто отходит на второй план или откровенно игнорируется.

Вероятно, в результате отрицания человека как рационально мыслящего существа возникает нездоровый интерес к индивидуумам, находящимся в пограничном состоянии, к «детям-индиго», к людям с ограниченными возможностями, а также к наркоманам, гомосексуалам, больным СПИДом. Активизируются гендерные исследования. Понятие «национальная культура» растворяется в понятии «мультикультурность».

Эпистема гарантируется не государством и не Церковью, а свободным выбором ученика и учителя. Первый получает право на выбор школы, а второй — на выбор учебно-методических комплексов и неотрефлексированное педагогическое творчество. В школу проникают деструктивные секты со своими псевдоучениями типа духовной валеологии и дианетики. Ученики некоторых регионов учатся по учебникам мунитов. Авантюристы разных мастей паразитируют на образовании.

Истоки мудрости

- Загляните в свои собственные души и найдите в них искру правды, которую боги поместили в каждое сердце и из которой только вы сами сможете раздуть пламя.
- Невозможно жить лучше, чем проводя жизнь в стремлении стать совершеннее.
- Природа наделила нас двумя ушами, двумя глазами, но лишь одним языком, дабы мы смотрели и слушали больше, чем говорили.
- Существует лишь одно благо — знание. Существует лишь одно зло — невежество.
- Воспитание — дело трудное, и улучшение его условий — одна из священных обязанностей каждого человека, ибо нет ничего более важного, как образование самого себя и своих ближних.
- Совершенство человека — это состояние души.
- Кто хочет сдвинуть мир, пусть сдвинет себя!
- Я знаю, что я ничего не знаю.
- В каждом человеке — солнце. Только дайте ему светить.
- Как много есть на свете вещей, которые мне не нужны!
- Без дружбы никакое отношение между людьми не имеет ценности.
- Заговори, чтоб я тебя увидел.
- Когда слово не бьёт, то и палка не поможет.
- Кто мудр, тот и добр.
- Молодым людям следует почаще смотреться в зеркало: красивым, чтобы не срамить своей красоты, безобразным, чтобы воспитанием скрасить безобразие.
- Совершеннейшим из людей можно считать того человека, который стремится к совершенству; счастливейшим же из людей можно считать того, кто сознаёт, что он уже достигает своей цели.

Сократ

На переломе тысячелетий актуализируется необходимость упорядочивания, стандартизации образования. Утвержден список учебников, по которым допустимо учить. Реакция на либерализм, неупорядоченность в образовании проявляется в ЕГЭ, предполагающем тестирование учеников. Это, несомненно, «цитата» из предыдущих парадигм — времен, когда об ученике говорили: «Его натаскали, вышколили, выдубили и т. п.». Вместе с тем стандарты образования для высшей школы сегодня существуют только в проекте — и тогда непонятно, на основе чего разрабатываются эти тесты. Возникает противоречие, которое напоминает нам, что мы живем в эпоху премодерна, который характеризуется стертостью нормативного образа человека.

В настоящее время ставится задача не передать ученикам знания, а научить их самостоятельно добывать и творчески использовать информацию, которая в отличие от знаний не обязательно обладает признаками достоверности и осмысленности. Путешествие в страну знаний отменяется. «Гоняй все лето по Интернету», — призывает нас реклама. При этом выносится за скобки вопрос: «А зачем? Ради чего нужно гонять-то?» Это приводит к возникновению экзистенциальных пустот, «антропологических пробоин и вмятин» [1], что проявляется в ювенальной культуре, а в частности в речи молодежи. «Просто это прикольно», — может ответить молодой человек. На самом деле, из потока противоречивой информации мы не успеваем извлекать смыслы, поэтому становимся удобными объектами для манипуляции. Очевидно, поэтому в моде внутренне противоречивая формула: «жить здесь и сейчас» и при этом «брать от жизни всё».

Неотъемлемой чертой постмодерна является то, что рыночные ценности агрессивно проникают в духовную сферу, каковой является образование. Эти тенденции актуализируют задачу формирования рыночного мышления у бывших сеятелей доброго, разумного, вечного и их учеников, которые сегодня именуются потребителями образовательных услуг. Экстраполяция законов материальной сферы на духовную привела к тому, что сегодня можно купить не только образовательные услуги, позволяющие приобрести определенные знания и умения, но и курсовую работу, диплом, диссертацию… Известны случаи коррупции при сдаче ЕГЭ.

На учителя смотрят сегодня иначе, чем раньше — не как на проводника идей коммунистической партии и не как на светского священника, что имело место до известного события в октябре 1917 г. В наше время энергично формируется взгляд на него как на менеджера, или, точнее, продавца образовательных услуг на образовательном рынке. Ученик же выступает в роли клиента, или покупателя, который должен платить пока еще за часть этих услуг.

Поскольку поток информации быстро растет и обновляется, возникает концепция непрерывного (пожизненного) образования. Поощряется профессиональная мобильность, что предполагает и смену профессий, поэтому цель образования совпадает скорее с определенным периодом жизни человека, чем со всей его жизнью, тем более бытием, что было характерно для премодерна.

Еще одной особенностью постмодерна является попытка образования угнаться за развитием техники. Тотальная компьютеризация образования ставит перед всеми субъектами образования задачу формирования умений пользоваться Интернетом и соответствующими технологиями. Утверждается дистанционное образование, сетевые стратегии в образовании. Сегодня тестирование трудно себе представить без применения компьютера. В то же время риски компьютеризации не становятся предметом серьезного научного исследования.

Фундаментальным отличием постмодерна от вышерассмотренных парадигм выступает отсутствие центральной ценности, которая отражает какую-то фундаментальную идею и задает иерархию целей образования. Это зачастую приводит к ощущению неполноты или даже бессмысленности жизни. А поскольку с этим человек не может смириться, он оглядывается на предшествующие парадигмы, одалживается их содержаниями, цитирует их или интерпретирует, пытаясь примениться к вызовам времени. Образно говоря, постмодерн живет в долг. А долги, как известно, нужно возвращать!

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гиренок, Ф. И.* Удовольствие мыслить иначе [Текст] / Ф. И. Гиренок. — М., 2008. — 235 с.
2. *Джуринский, А. Н.* История педагогики: Уч. пос. для студ. пед. спец. [Текст] / А. Н. Джуринский. — М. : ВЛАДОС, 1999. — 431 с.
3. *Дугин, А. Г.* Эволюция парадигмальных оснований науки : Философско-методологический анализ [Текст]: автореферат дисс… кандидата философских наук: 09. 00. 08 / Ростов : Ростовский юридический институт МВД России.
4. *Коджаспирова, Г. М.* Педагогический словарь : Для студ. высш. и средн. учебн. заведений [Текст] / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. — М. : Издательский центр «Академия», 2000. — 176 с.
5. *Миронов, В. Б.* Век образования [Текст] / В. Б. Миронов. — М. : Педагогика, 1990.
6. *Ницше, Ф.* Падение кумиров : Сборник [Текст] / Ф. Ницше; пер. с нем. — СПб. : Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 224 с.
7. *Осипов, А. И.* Путь разума в поисках истины [Текст] / А. И. Осипов. — М., 2002.
8. *Пищулин, Н. П.* Философские основы образования [Текст] / Н. П. Пищулин. — М. : Жизнь и мысль, 2001. — 80 с.
9. *Шестун, Е.* Православная педагогика [Текст] / Е. Шестун. — М., 2001. — 560 с.
10. *Шпенглер, О.* Закат Европы [Текст] / О. Шпенглер // Философия истории. Онтология. — М., 1995.